

2. Миксюк, С. Ф., Примакович Л. В. Модель прогнозирования страхового запаса в условиях экономической нестабильности: методический подход / С. Ф. Миксюк, Л. В. Примакович // Международная научно-практическая конференция «Экономика Беларуси: рост, инновации, безопасность», 15 мая. – Мн.: БГЭУ, 2025. – С. 419–421.

Miksyuk, S. F., Primakovich L. V. A model for forecasting safety stock in conditions of economic instability: a methodological approach / S. F. Miksyuk, L. V. Primakovich // International scientific and practical conference "Economy of Belarus: growth, innovation, security", May 15. – Minsk: BGEU, 2025. – P. 419–421.

3. Галактика Пищевая промышленность [Электронный ресурс] / Корпорация Галактика. URL: <https://www.galaktika.ru/blog/galaktika-pishhevaya-promyshlennost.html>.

Galaxy Food Industry [Electronic resource] / Galaxy Corporation. URL: <https://www.galaktika.ru/blog/galaktika-pishhevaya-promyshlennost.html>.

4. Информационные материалы по «1С:ERP Управление предприятием» [Электронный ресурс] / 1С: Предприятие. URL: <http://v8.1c.ru/erp/info/#review>.

Informational materials on "1С:ERP Enterprise Management" [Electronic resource] / 1С: Enterprise. URL: <http://v8.1c.ru/erp/info/#review>.

5. Что такое SAP системы [Электронный ресурс] / ASAP Consulting. URL: <http://asapcg.com/presscenter/articles/chto-takoe-sap-sistemy>.

What are SAP systems [Electronic resource] / ASAP Consulting. URL: <http://asapcg.com/presscenter/articles/chto-takoe-sap-sistemy>.

6. Карпов, М. В. Автоматизация управления запасами по техническому обслуживанию и ремонту в системе управления производственными активами [Электронный ресурс]. URL: <https://eepir.ru/article/avtomatizaciya-upravleniya-zapasami-po-tehnicheskemu-obslughivaniyu-i-remontu-v-sisteme-upravleniya-proizvodstvennymi-aktivami>.

Karpov, M. V. Automation of Inventory Management for Maintenance and Repairs in the Production Asset Management System [Electronic resource]. URL: <https://eepir.ru/article/avtomatizaciya-upravleniya-zapasami-po-tehnicheskemu-obslughivaniyu-i-remontu-v-sisteme-upravleniya-proizvodstvennymi-aktivami>.

7. Гаврилова, Т. А., Кудрявцева П. А. Информационные системы управления запасами: учебник / Т. А. Гаврилова, П. А. Кудрявцева. – СПб.: Питер, 2021.

Gavrilova, T. A., Kudryavtseva P. A. Inventory Management Information Systems: Textbook / T. A. Gavrilova, P. A. Kudryavtseva. – St. Petersburg: Piter, 2021.

8. Бланк, И. А. Управление запасами на предприятии: теория и практика: учебник / И. А. Бланк. – Киев: Ника-Центр, 2020.

Blank, I. A. Inventory Management at the Enterprise: Theory and Practice: Textbook / I. A. Blank. – Kyiv: Nika-Center, 2020.

Статья поступила в редакцию 26.11.2025.

УДК 339.54.012.435

M. Milenin
BSEU (Minsk)

CONTEMPORARY PROTECTIONISM IN THE CONTEXT OF GLOBAL ECONOMIC FRAGMENTATION: INSTITUTIONALIZATION AND HYBRID FORMS

The article examines the key features of the contemporary stage of protectionism, which differs from its historical forms not only in terms of instruments but also in the logic of institutional legitimation. The 21st century is marked by a shift from tariff and easily identifiable barriers to hybrid, hidden, and normatively disguised mechanisms embedded in sustainable development policies, digital sovereignty, and environmental security. Statistical data for 2022–2025 demonstrate a steady increase in non-tariff restrictions, sanctions regimes, and technological protectionism. Special attention is paid to the institutionalization of new measures that are officially presented as instruments of safeguarding national interests but in fact contribute

to the fragmentation of global trade. Based on a comparative analysis of historical and modern forms of protectionism, the study substantiates the thesis that protectionism has transformed into a systemic element of global competition, actively used by both developed and developing countries. The article concludes that there is a need to update the theoretical framework for analyzing hybrid and asymmetric protectionist regimes in a multipolar global economy.

Keywords: protectionism; institutionalization; fragmentation of the world economy; digital sovereignty; environmental barriers; technological security; international trade.

М. В. Миленин
аспирант
БГЭУ (Минск)

СОВРЕМЕННЫЙ ПРОТЕКЦИОНИЗМ В УСЛОВИЯХ ФРАГМЕНТАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И ГИБРИДНЫЕ ФОРМЫ

В статье рассмотрены ключевые особенности современного этапа развития протекционизма, отличающегося от исторических форм не только инструментарием, но и логикой институциональной легитимации. XXI век ознаменован переходом от тарифных и легко идентифицируемых барьеров к гибридным, скрытым и нормативно замаскированным механизмам, встраиваемым в политику устойчивого развития, цифрового суверенитета и экологической безопасности. Анализ статистических данных за 2022–2025 гг. демонстрирует устойчивый рост нетарифных ограничений, санкционных режимов и технологического протекционизма. Особое внимание уделяется институционализации новых мер, которые позиционируются как инструменты защиты национальных интересов, но фактически ведут к фрагментации мировой торговли. На основе сравнительного анализа исторических и современных форм протекционизма обосновывается тезис о его трансформации в системный элемент глобальной конкуренции, используемый как развитыми, так и развивающимися странами. Делается вывод о необходимости обновления теоретического аппарата для анализа гибридных и асимметричных режимов протекционизма в условиях многополярной мировой экономики.

Ключевые слова: протекционизм; институционализация; фрагментация мировой экономики; цифровой суверенитет; экологические барьеры; технологическая безопасность; международная торговля.

Введение. Современная мировая экономика характеризуется устойчивой тенденцией к росту протекционизма, который перестал быть временной реакцией на кризисы и трансформировался в постоянный инструмент национальной стратегии. В условиях геоэкономической нестабильности, усиления санкционных режимов, технологической конкуренции и кризиса многосторонних торговых институтов протекционизм приобретает новые формы, выходящие далеко за рамки тарифных барьеров. Актуальность темы обусловлена тем, что протекционизм XXI века не только изменил свой инструментальный арсенал, но и институционально легитимизировался под прикрытием концепций устойчивого развития, цифрового суверенитета и экологической безопасности. Эти меры официально не противоречат международным соглашениям, однако фактически ограничивают доступ иностранных компаний к стратегическим рынкам. В результате глобальная торговая система всё больше фрагментируется, формируя мозаичную структуру взаимодействия государств. Научная новизна исследования заключается в том, что протекционизм рассматривается как гибридный и асимметричный процесс, встроенный в долгосрочные стратегии государств.

Важным методологическим аспектом исследования является уточнение понятийного аппарата. В работе используется категория «институциональная легитимизация» протекционистских мер. Под легитимацией в общем смысле понимается признание правомерности определённых экономико-политических практик в правовом и международном дискурсе. Однако для анализа современного протекционизма более корректным представляется термин «легитимизация», поскольку он отражает не только

формальное юридическое закрепление ограничительных мер, но и их институциональное подкрепление, включение в национальные стратегии развития, международные нормативные режимы, а также закрепление в общественном и экспертном сознании. Таким образом, в статье термин «институциональная легитимизация» используется для обозначения процесса устойчивого нормативного и институционального закрепления протекционистских инструментов в современной системе мировой торговли.

Сложность и многогранность современного протекционизма отражена в значительном массиве научных исследований, представленных в трудах различных теоретических школ. Классический подход к пониманию протекционизма восходит к работам Ф. Листа, А. Гамильтона и Дж. С. Милля [1–3], которые обосновывали необходимость временной защиты национальных отраслей как условия индустриализации. Представители неомеркантилизма и новой теории международной торговли, включая Д. Бхагвати, Э. Райнерта [4–5], развивали идею стратегической торговой политики, подчеркивая возможность государства влиять на распределение глобальных выгод посредством торговых барьеров. В рамках институциональной школы (Д. Асемоглу, Д. Норт [6–7]) протекционизм рассматривается как результат эволюции институтов, обеспечивающих формальные и неформальные ограничения в экономическом поведении. Современные исследования обращают внимание на то, что в условиях цифровизации и геоэкономической конкуренции протекционизм выходит за пределы тарифного регулирования и принимает гибридные формы, опирающиеся на экологические, технологические и социальные стандарты [8].

Несмотря на интенсивное изучение феномена протекционизма, ряд вопросов остаётся недостаточно решённым.

Во-первых, отсутствует единая трактовка современного протекционизма как институционально легитимизированного и гибридного явления, сочетающего экономические, технологические, экологические и политические инструменты.

Во-вторых, систематизация новых форм скрытого регулирования – таких как цифровые фильтры, климатические стандарты, ограничения на использование данных – всё ещё находится на начальной стадии.

В-третьих, в научной литературе недостаточно раскрыт вопрос о том, каким образом протекционизм превращается в механизм геоэкономической конкуренции и влияет на архитектуру глобальной торговой системы.

В-четвёртых, статистические оценки масштабов современных ограничительных мер фрагментированы и требуют комплексного анализа. Указанные нерешённые проблемы определяют необходимость более глубокого изучения институциональной природы современного протекционизма, механизмов его легитимации, а также выявления его роли в формировании новой структуры мировой торговли.

Цель статьи – выявить специфику современного этапа развития протекционизма, определить его институциональные особенности, инструментальные формы и статистическую динамику применения в мировой экономике в 2022–2025 годах.

Для достижения цели решаются следующие задачи:

1. Сравнить исторические и современные формы протекционизма, выявить точки разрыва и преемственности.
2. Проанализировать институциональные основания легитимации протекционистских мер.
3. Обобщить статистические данные о применении протекционистских инструментов в последние годы.
4. Сделать выводы о тенденциях трансформации глобальной торговой системы в условиях фрагментации.

Основная часть. В целях методологической определённости в статье используется следующая периодизация развития протекционизма. Под историческим (классическим) протекционизмом понимается система торгово-промышленных ограничений, характерная для индустриального этапа развития мировой экономики конца XIX – середины XX вв., когда тарифная защита, импортные квоты и государственная поддержка национальных производителей носили устойчивый и системный характер. Современный этап протекционизма рассматривается как новая волна ограничительных практик,

формирующаяся в условиях пост глобализации и фрагментации мировой экономики с конца второго десятилетия XXI в.

Классические авторы XIX–XX вв. (Ф. Лист, А. Гамильтон, Дж. С. Милль) рассматривали протекционизм как временный инструмент поддержки «молодых отраслей» (в англоязычной экономической литературе данный подход известен как *infant industry protection*), необходимый для индустриализации. В рамках неомеркантилистских концепций (Д. Бхагвати, 1990-е) он анализировался уже как элемент стратегической торговли, где государство использует барьеры для получения долгосрочных преимуществ.

Современные исследования подчеркивают, что протекционизм вышел за пределы чисто экономической сферы и стал междисциплинарным феноменом. Так, в работах последних лет отмечается, что основными драйверами протекционизма становятся экологическая политика, технологическая безопасность и цифровой суверенитет. При этом он всё чаще легитимируется не как ограничение торговли, а как защита прав человека, экосистем или данных. Таким образом, теоретическая база анализа протекционизма требует пересмотра. От линейных моделей (тарифы и квоты) исследование переходит к системным подходам, учитывающим многоуровневые, скрытые и нормативно оформленные барьеры.

Современный протекционизм принципиально отличается от своих исторических форм не только набором применяемых инструментов, но и характером институционального оформления, глубиной интеграции в макроэкономическую стратегию и международной легитимацией. В XXI веке на первый план выходят гибридные и неявные формы регулирования, маскируемые под нормы устойчивого развития, цифровой суверенитет, экологическую политику и технологическую безопасность [9, с. 63–64].

Характерной чертой современного этапа развития протекционизма выступает инверсная легитимация ограничительных мер. Государства не скрывают использования торговых барьеров, однако обосновывают их необходимостью защиты национальных интересов, устойчивого развития, цифровой безопасности и экологических стандартов. Это приводит к размыванию границ между либерализацией и протекционизмом и способствует фрагментации глобальной торговой системы. Примерами служат:

- экологические инициативы (внедрение экологического, социального и корпоративного управления (Environmental, Social, Governance, далее – ESG), внедрение «углеродного налога» (Carbon Border Adjustment Mechanism, далее – CBAM) в ЕС);
- цифровые механизмы (законодательный акт ЕС по защите данных (General Data Protection Regulation, далее – GDPR), закон о кибербезопасности КНР);
- санкционные режимы (федеральный закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» и система экспортного контроля США (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act));
- технологические барьеры (закон о чипах и науки в США (CHIPS and Science Act, далее – CaSA) и ограничения на экспорт полупроводников).

Таким образом, торговая политика превращается в инструмент структурной трансформации мировой экономики, направленный не столько на рост обмена, сколько на перераспределение власти и ресурсов.

Ключевыми характеристиками современного протекционизма являются:

- гибридность инструментов;
- институциональная легитимация ограничительных мер;
- инверсная риторика их обоснования;
- асимметрия применения;
- расширение объектов регулирования.

Таким образом, протекционизм перестал быть исключительной мерой экономической обороны. Он стал постоянным компонентом макроэкономической и внешнеторговой политики, встроенным в стратегические документы ведущих держав.

Анализ в ретроспективе показывает, что содержание протекционизма радикально изменилось. Если исторический протекционизм был инструментом мобилизации и защиты «молодых» отраслей, то современный выступает как механизм глобальной конкуренции и перераспределения власти. Таблица 1 систематизирует основные различия исторического и современного протекционизма.

Таблица 1 – Сравнительный анализ исторического и современного протекционизма

Критерий сравнения	Исторический протекционизм	Современный протекционизм
Цель	Индустриализация, защита «молодых» отраслей, накопление капитала	Технологическая автономия, цифровой суверенитет, национальная безопасность, контроль за данными и ESG
Инструменты	Тарифы, квоты, экспортные субсидии, валютное регулирование	Санкции, технологические запреты, СВAM, GDPR, CaSA, цифровой контроль, инвестиционные фильтры
Объект регулирования	Товары, сырье, промышленная продукция	Данные, алгоритмы, технологии, стандарты, цепочки поставок
Форма применения	Прямая, законодательно закреплённая	Скрытая, гибридная, через юридически легитимированные формы (экология, безопасность, этика)
Легитимация	Через промышленную политику и суверенное право на защиту	Через дискурс устойчивого развития, ESG, кибербезопасности, экологии, прав человека
Геополитическая роль	Защита от доминирующих стран	Инструмент давления и доминирования со стороны стран-лидеров; средство глобальной конкуренции
Типичный субъект применения	Развивающиеся или индустриализирующиеся страны	Страны G7, ЕС, Китай, крупные региональные игроки
Последствия для торговли	Замедление торговли, рост цен, но сохранение общей структуры мирового рынка	Дробление универсальных принципов торговли, подрыв универсальных правил, регионализация, автаркизация цепочек
Институциональная среда	ГАТТ, ВТО (в ранней форме), ограниченная взаимосвязанность	Ослабление ВТО, приоритет двусторонних соглашений, параллельная система санкционного и ESG-регулирования
Стратегическая направленность	Реакция на внешние вызовы, часто временного характера	Встроенная в долгосрочные стратегии развития и безопасности, превентивное управление рисками

Примечание – Источник: составлено автором на основе [10].

Сравнительный анализ таблицы 1 показывает, что современный протекционизм не является продолжением исторических практик, а представляет собой качественно новую парадигму. Он институционализирован, легитимизирован и встроен в глобальные стратегии ведущих держав. В отличие от прошлого, когда протекционизм был реактивным и временным, сегодня он носит проактивный, системный и долгосрочный характер.

С конца второго десятилетия XXI в. протекционизм вновь приобретает устойчивые черты и становится значимым элементом мировой торговой системы. Он трансформировался в устойчивую составляющую стратегий экономического развития большинства государств, включая как развитые, так и формирующиеся рынки. Особенно показателен период 2022–2025 гг., когда на фоне энергетических, логистических, геополитических и технологических кризисов наблюдается взрывной рост числа и глубины протекционистских мер [11, с. 22].

Согласно данным Global Trade Alert (далее – GTA), в 2023 г. государства мира ввели более 2100 новых ограничительных мер, что на 37% превысило уровень 2022 г. В 2024 г. число таких мер достигло 2500, а к концу 2025 г., по прогнозам, превысит 2800. Особенно заметен рост нетарифных и скрытых барьеров, включая экологические стандарты, цифровые фильтры, требования к локализации данных и экспортный контроль [12].

Современный протекционизм характеризуется смещением акцента от классических тарифных инструментов к расширенному использованию нетарифных барьеров. К ним относятся технические регламенты, санитарные и фитосанитарные нормы, экспортный контроль, требования локализации производства и государственные субсидии.

Данная трансформация отражает адаптацию протекционистских стратегий к условиям либерализованной тарифной среды и действующих обязательств в рамках ВТО, что позволяет государствам формально сохранять режим свободной торговли при одновременной защите национальных производителей.

Рост технологического протекционизма особенно ярко проявился в сфере полупроводников и критически важных материалов. США в 2023–2024 гг. ввели экспортные ограничения на поставки высокотехнологичного оборудования в Китай, одновременно предоставив субсидии национальным производителям в рамках CaSA. В ответ Китай ограничил экспорт редкоземельных элементов и графита, необходимых для производства аккумуляторов и электроники.

В Европе ключевым механизмом стала реализация СВМ. По данным Еврокомиссии, в пилотной фазе он затронул импорт на сумму более 100 млрд евро, а к 2026 г. под его действие будет подпадать продукция на 150–170 млрд евро в год.

Не отстают и развивающиеся страны. Индия в 2022–2024 гг. ввела повышенные пошлины на электронику, солнечные панели и автомобили в рамках инициативы Make in India, что позволило сократить импортозависимость почти на 30%. Бразилия и Южная Африка усилили экспортный контроль и технические стандарты в стратегических секторах [12].

Для наглядной фиксации количественных параметров динамики применения протекционистских мер целесообразно обратиться к статистическим данным международных организаций. Сопоставление показателей за 2022–2025 гг. позволяет выявить не только рост числа ограничительных мер, но и структурные изменения в их составе. Обобщённые данные представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Динамика применения протекционистских мер в мировой экономике (2022–2025 гг.)

Показатель	2022	2023	2024	2025 (прогноз)
Количество новых ограничительных мер, ед. (по данным GTA)	1535	2100	2500	2850
Доля нетарифных и скрытых мер от общего числа, % (по данным ОЭСР)	60	68	71	74
Объём торговли, затронутый протекционистскими мерами, трлн долларов США	1,85	2,5	2,9	3,3
Кол-во стран, затронутых СВМ и аналогами	48	71	82	90+
Сумма санкционных ограничений (США, ЕС, Канада и др.), трлн долларов США	0,94	1,3	1,5	1,7
Экспортные ограничения на технологии (число актов, США, Китай, др.)	115	172	218	260+
Доля мирового ВВП, производимого в странах с активным протекционизмом, %	66	72	75	78
Доля контрактов ТНК с учетом локализационных требований, %	55	68	74	80+

Примечание – Источник: составлено автором на основе [10].

Представленные данные в таблице 2 позволяют сделать следующие выводы. Если сохранится существующая динамика, то к концу текущего десятилетия протекционизм окончательно закрепится как структурная норма мировой торговли, а не как временное отклонение от либерализации. Доля скрытых и нетарифных мер, по всей вероятности, продолжит расти, что приведёт к ещё большему размыванию границ между законными нормами регулирования и инструментами торговой защиты.

В перспективе можно ожидать формирования параллельных торговых режимов – «зелёного», «цифрового» и «санкционного», которые будут пересекаться, но не подчиняться универсальным правилам ВТО. Вероятно, что регионализация мировой торговли усилится, а глобальные цепочки поставок станут более локализованными, ориентированными на геополитическую близость, а не на экономическую эффективность.

Статистические данные фиксируют не только текущее состояние протекционизма, но и указывают на направление его дальнейшей эволюции, связанной с институционализацией и фрагментацией мировой экономической системы.

Рост доли контрактов с локализационными требованиями свидетельствует о распространении нового типа нетарифного протекционизма – локализационных барьеров.

В отличие от классических тарифных мер, данные инструменты формально не нарушают обязательства по снижению таможенных ставок, однако фактически ограничивают доступ иностранных компаний к национальным рынкам и стимулируют перенос производственных цепочек в страну-реципиент.

Таким образом, локализационные требования выступают современной формой институционального протекционизма в условиях глобальных цепочек создания стоимости. Современный протекционизм демонстрирует фундаментальную трансформацию по сравнению с историческими формами. Он перестал быть временной мерой экономической защиты и превратился в структурный элемент глобальной торговой политики.

Заключение. Таким образом, современный протекционизм представляет собой гибридный и многоуровневый процесс, в котором сочетаются экономические, экологические, цифровые, социальные и санкционные меры. Его ключевая особенность – инверсная легитимация: ограничения оправдываются защитой устойчивого развития, прав потребителей или цифровой безопасности, хотя фактически создают барьеры для конкурентов. В отличие от исторического, современный протекционизм проактивен и стратегичен, встроен в долгосрочные программы развития и национальной безопасности. Статистика последних лет подтверждает устойчивый рост нетарифных мер. Протекционизм становится инструментом геоэкономической конкуренции и перераспределения власти, усиливая фрагментацию мировой экономики и подрывая универсальность норм ВТО. Его дальнейшее развитие потребует новых теоретических подходов, учитывающих гибридную, асимметричную и институционально размывающую природу ограничительных режимов.

Список использованных источников

1. Национальная система политической экономии : книга / Ф. Лист. – М. : Социум, 2017. – 451 с.
National system of political economy : book / F. List. – М. : Socium, 2017. – 451 p.
2. Федералист : книга / А. Гамильтон, Дж. Мэдисон, Дж. Джей. – М. : Весь Мир, 2000. – 592 с.
Federalist: book / A. Hamilton, J. Madison, J. Jay. – М.: Ves Mir, 2000. – 592 p.
3. Рассуждения о представительном правлении : книга / Дж. С. Милль. – М. : Социум, 2023. – 291 с.
Reflections on Representative Government: book / J. S. Mill. – М.: Socium, 2023. – 291 p.
4. Бхавати, Дж. Нужна ли США новая торговая политика? / Дж. Бхавати // Журнал политического моделирования. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2009.05.006> (дата обращения: 21.11.2025).
Bhagwati J. Does the US Need a New Trade Policy? / J. Bhagwati // Journal of Political Modeling. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2009.05.006> (date of access: 21.11.2025).

5. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными : книга / Э. Райнерт. – Бостон, Массачусетс: Браун Групп, 2008. – 400 с.
How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor : book / E. Reinert. – Boston, Massachusetts : Brown Group, 2008. – 400 p.
6. Введение в теорию современного экономического роста : учебник / Д. Асемоглу. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 736 с.
Introduction to the Theory of Modern Economic Growth : textbook / D. Acemoglu. – M. : Publishing house «Delo» RANHiGS, 2018. – 736 p.
7. Понимание процесса экономических изменений : учебник / Д. Норт. – М. : Высшая школа экономики, 2010. – 42 с.
Understanding the process of economic change : textbook / D. North. – M.: Higher School of Economics, 2010. – 42 p.
8. Маркова, О. А., Мелешкина А. И. Цифровой протекционизм: миф или реальность? – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-proteksionizm-mif-ili-realnost/viewer> (дата обращения: 23.11.2025).
Markova, O. A., Meleshkina A. I. Digital protectionism: myth or reality? – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-proteksionizm-mif-ili-realnost/viewer> (date of access: 23.11.2025).
9. Миленин, М. В. Протекционизм в экономической политике развивающихся стран / М. В. Миленин // Журнал Новая экономика. – 2025. – № 1. – С. 63–67.
Milenin, M. V. Protectionism in the economic policy of developing countries / M. V. Milenin // New Economics Journal. – 2025. – № 1. – P. 63–67.
10. Статистический сборник Всемирной торговой организации за 2025 год / World Tariff Profiles 2025. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/world_tariff_profiles25_e.pdf (дата обращения: 21.11.2025).
World Trade Organization Statistical Digest for 2025 / World Tariff Profiles 2025. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/world_tariff_profiles25_e.pdf (date of access: 21.11.2025).
11. Пак, С. Подъем протекционизма в политике США и ЕС: как это повлияет на Восточную Азию? / С. Пак // Вестник международных организаций. – 2024. – Т. 19. – № 2. – С. 21–55.
Pak, S. The Rise of Protectionism in US and EU Policies: How Will It Affect East Asia? / S. Pak // Bulletin of International Organizations. 2024. – Vol. 19. – No. 2. – P. 21-55.
12. Годовой отчет Global Trade Alert за 2024 год. – URL: <https://globaltradealert.org/analysis> (дата обращения: 22.11.2025).
Global Trade Alert Annual Report 2024. – URL: <https://globaltradealert.org/analysis> (date of access: 22.11.2025).

Статья поступила в редакцию 13.11.2025.

УДК 69.003:004

A. Mishchenko
BSEU (Minsk)
Y. Zianouchyk
BSEU (Minsk)

THEORETICAL FOUNDATIONS FOR THE IMPLEMENTATION OF BLOCKCHAIN TECHNOLOGIES IN THE CONSTRUCTION INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article defines the potential for using blockchain technology in various areas of activity of domestic construction organizations. The main objective of the study is to substantiate the theoretical foundations for the implementation and use of blockchain technology in the construction industry (using the Republic of Belarus as an example). In order to achieve this goal, the essence of blockchain technology is substantiated, key areas of application of this technology in the construction